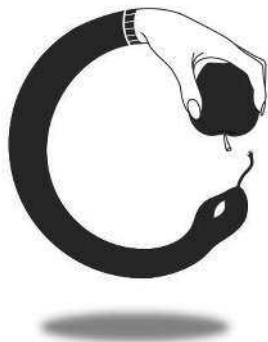

БЕСПРИНЦИПНЫЕ ЧТЕНИЯ

ОТ "А" ДО "Ч"

НАРИНЭ АБГАРЯН
АЛЕКСАНДР БОРОВСКИЙ
АЛЕКСАНДР СНЕГИРЁВ
АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН
АНДРЕЙ АСТВАЦАТУРОВ
АЛЕКСАНДР МАЛЕНКОВ
САША ФИЛИПЕНКО
ЕВГЕНИЙ ЧЕШИРКО

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б53

Серия «ОДОБРЕНО РУНЕТОМ»

Дизайн обложки: Анна Ксенз

Б53 Беспринципные чтения. От «А» до «Ч»: сборник.—
Москва: Издательство АСТ, 2020.— 252, [1] с.— (ОДОБРЕНО РУНЕТОМ).

ISBN 978-5-17-112908-8

«Беспринципные чтения» — один из самых ярких и необычных литературно-театральных проектов последнего времени. За два года его существования состоялось более ста чтений. Рассказы знаменитых авторов: Александра Цыпкина, Наринэ Абгарян, Андрея Аствацатурова, Саши Филипенко и других — звучали со сцен двенадцати стран мира!

В проекте принимают участие ведущие российские актеры: Константин Хабенский, Ингеборга Дапкунайте, Данила Козловский, Сергей Гармаш, Евгений Стычкин, Анна Михалкова, Виктория Исакова, Николай Фоменко, Ксения Раппопорт, Катерина Шпица, Павел Табаков и другие.

Самые запомнившиеся рассказы этого года собраны в одной книге.

© Беспринципные чтения, текст, 2018
© А. Ксенз, иллюстрации, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

АБГАРЯН НАРИНЭ

В прочитанных мною со сцены рассказах Наринэ Абгарян есть нежность, доброта, остроумие и какая-то ностальгия по детству. Вместе с тем их нельзя назвать сопливыми, потому что мысль, которую она проводит через свои произведения, — серьезная и даже драматическая.

Ингеборга Дапкунайте, советская, британская и литовская актриса театра и кино, телеведущая

БЕРД

ЯНВАРЬ

Из всех времен года мы, дети, замечали только зиму. Может, потому, что она была не столь долгой, как хотелось. И не такой снежной, как на перевале, отделяющем нас от остального мира, — как завалит выше гор, так и не отпустит из плена до весны.

Зима приходила в январе. Долго кружила морозным ветром над истомленными ожиданием домами, а потом, за одну враз притихшую ночь накрывала их рыхлой пеленой. Проснулся с утра — а за окном словно стертый резинкой мир. Только там и

сям, уцелевшими карандашными набросками, виднеются кусочек деревянного забора или сбившаяся после проехавшей телеги одинокая дорожная колея.

Наигравшись вдоволь в снегу, заваливались шумной гурьбой к нани. Стягивали зубами заиндевшие рукавички, скидывали боты, сваливали пальто и шапки на топчан в коридоре и бежали, громко топая по полу, — до сих пор помню обиженный скрип досок — на кухню. Нани нас ждала там. Нальет густой фасолевой похлебки, посылет сверху свиными шкварками, нарежет соленой красной капусты, натрет засушенные на печи ломти домашнего хлеба зубчиком чеснока... М-м-м, не знаю ничего вкусней незамысловатой деревенской еды.

После сытного обеда она усаживала нас вокруг себя и рассказывала притчу о семикрылых ангелах. У которых каждое крыло одного цвета радуги, а каждое перо разит семерых темных дэвов. Дэвы выходят ночью из-за края земли, чтобы воровать души спящих людей, а ангелы разят их своими перьями, словно стрелами.

— Так что пока вы спите, добро и зло воюют за вас, — заканчивала свой рассказ нани.

— А что они делают днем, когда мы не спим? — неизменно спрашивал кто-то из детей.

— Ангелы отращивают себе новые крылья, а дэвы — новые клыки.

Мы слушали, затаив дыхание. Младшая сестра, не выдержав напряжения, начинала икать. Мы на нее, бедную, шикали, она зажимала рот ладошкой.

Однажды, когда нани по нашей просьбе снова завела свой рассказ, на кухню заглянул дядя Жора, который как раз в том году поступил в политехнический институт. Услышав о семикрылых ангелах, он стал выпрашивать, как же они летают.

— Как птицы,— с достоинством отвечала нани.

— Семь на два не делится, верно? — не унимался дядя.

— Верно.

— Значит, получается три крыла за одним плечом, а три за другим. Где же тогда седьмое крыло находится?

Нани растерялась. А мы расстроились — миф об ангелах рушился на глазах. Младшая сестра аж икать перестала, запереливалась глазами. Тут в комнату влетел дед и отвесил дяде Жоре могучий подзатыльник.

— А седьмое крыло запасное, ясно? На ремне болтается. Еще вопросы есть?

Вопросов у дяди Жоры больше не нашлось.

ФЕВРАЛЬ

— Я тебе вчера восемь раз звонила. А ты мне так и не ответила,— обижается мама.

— Как звонила? Телефон молчал.

— Я тебе в скайпе звонила!

— Мам, я хоть в сети была?

— А я знаю?

У мамы макияж, серьги, платочек на шее, прическа. Я со вздохом распускаю хвостик волос, приглаживаю брови. Прячу руки, чтобы она не заметила отсутствия маникюра.

— Ты ж моя красавица, — говорит мама.

Я киваю. Красавица, да. Кто скажет, что не красавица, тот ей враг номер один. А я же не сумасшедшая с родной матерью отношения портить!

— Наринэ, я тут вычитала отличный рецепт для маски. Записывай. Натереть на мелкой терке сорок граммов хрена, добавить две чайные ложки молотого имбиря, залить кипятком... Записываешь?

— Угум!

— Врешь?

— Нет.

— А то я не вижу, что врешь. Записывай давай.

Приходится записывать, а потом еще и зачитывать вслух. Не дай бог что-то пропустила.

— Мы вам маленькую посылочку собрали, — как бы вскользь упоминает мама.

— Снова? — ужасаюсь я. — Мы новогоднюю посылочку еще не съели.

— Габардинец Ерванд собирается в Москву. Не ехать же человеку порожняком!

— Пусть едет порожняком.

— Ничего не знаю. Будет через три дня. Я оставила адрес. Подвезет прямо к вашему дому.

— Найдет?

— Найдет. У него этот, как его? Аппарат для распознавания дороги. Жипирэсэ.

— Мумсик! — давлюсь от смеха я.

— Захрмар. А как правильно? Жиписэрэ?

— Джипиэс!

— Ну и что ты мне голову морочишь, когда я так и сказала? В общем, ждите. Скоро посылка будет.

— Мам, а кто такой этот Габардинец Ерванд? И почему он Габардинец? Его предок первым в Берде надел габардиновое пальто?

— Не знаю. Надо твоего отца спросить. Он Габардинец род хорошо знает. Всю жизнь им зубы лечит.

Посылка прибывает тютелька в тютельку, через три дня. Я сразу распознаю микроавтобус Габардинец Ерванда. Во-первых, по ржавой крыше и вспоротым бокам. Во-вторых, по небольшой толпе заинтригованных горожан, которые, плюнув на столичный апломб, обступили доисторическую махину со всех сторон. Ну а в-третьих — по растопыренным колесам и погнутым в обратную сторону рессорам.

Даже с моего семнадцатого этажа было видно, что микроавтобус загружен под завязку.

Габардинец Ерванд оказывается отчаянно устатым услужливым мужичком.

— Дочка, я твоего отца очень уважаю, поэтому первым делом к тебе заехал,— выволакивает он из микроавтобуса огромный баул,— показывай дорогу, куда нести?

В квартиру Габардинец Ерванд заходит с почтением, цокает восхищенно на сундук из состаренного дерева, трогает батареи отопления — не мерзнете? Нет? Молодцы! — Шарит взглядом по стенам. Углядев на стеллаже открытку с изображением Арарата, успокаивается. Отобедать отказывается и, выпив чашечку кофе, начинает прощаться.

— Пора. Мне еще в Новокосино ехать. А потом — в Мытищи. Посылки развезить.

— Спасибо вам большое.

— Зачем спасибо? Не ехать же порожняком. Вот и повез гостинцы. И вам хорошо, и мне приятно.

Я провожаю бердского гонца до лифта, возвращаюсь в квартиру. Разворачиваю любовно упакованные гостинцы. Пять килограммов меда, мешок чищенных орехов, две бутылки кизиловки. Ну и по мелочи: домашняя ветчина (целый окорок), бастурма, суджух. Три кило лаваша из отборной муки. Зрелая домашняя брынза. Пакетики с сушеной зеленью.

До весны можно в магазин не ходить.

МАРТ

Своих я вычисляю за секунду каким-то звериным чутьем.

Отнесла сапоги в мастерскую.

Оформляет заказ мужчина, полный, голубоглазый, русоволосый. По виду — обычный житель средней полосы России. Но я-то вижу, что наш. Притом совсем земляк, бердский или, может быть, карабахский.

— Здравствуйте,— говорю,— мне бы набойки поменять.

Зимой какие-то безголовые балбесы нарисовали на двери этой мастерской свастику. Сапожник аккуратно обвел ее краской, превратил лопасти в лепестки. Получился кривенький четырехлапый листик клевера. Символ счастья.

Он берет сапоги, рассматривает каблуки, недовольно хмурится. Даю руку на отсечение, думает: «Сразу видно — не армяне делали. Если бы армяне, фиг бы набойки так быстро отвалились». О, это великое самомнение маленьких народов!

— С вас триста рублей,— начинает заполнять квитанцию,— фамилия?

— Абгарян,— говорю я, пряча улыбку.

Он вскидывает глаза:

— Из Армении?

— Да. А вы?
— Тоже.
— Откуда?
— Из Берда.
— Я так и знала! Я сразу поняла, что вы мой земляк.

— Вы чья дочка? (Никогда не спросят имени. Всегда — чья дочка. Или — из какого рода.)

— Доктора Абгаряна.

— О, а я из рода Меликян. Знаю, ваша бабушка тоже была Меликян. С вас семьдесят рублей. Только за материал возьму, за работу не буду.

— Мне неудобно. Давайте я заплачу, как все.

— Обижаете, сестра. Или не приходите больше к нам, или платите, сколько говорю.

Торговалась с пеной у рта. Заплатила сто двадцать рублей.

Недавно иду из магазина, он высовывается по пояс в окно.

— Подождите. Вы Наринэ Абгарян?

— Да.

— Сейчас! — выскакивает из мастерской, бежит, размахивая книгой.

— Подпишите, пожалуйста, дочкам. Я уже неделю вас караулю, по фотографии на обложке вычислил, что это вы.

— Как дочек зовут?

- Дарья и Маринэ.
- Вразнобой назвали?
- Ага, жена русская. Честно поделили.
- А если мальчик?
- Если мальчик, назовем обтекаемо.
- Как это «обтекаемо»?
- Максим. Чтобы и нашим и вашим.

Посмеялись.

Я делаю зарубку на памяти — Степан Меликян, сын Амирама Меликяна, сапожник. Потяни за ниточку — и воспоминания превратятся в ленту Мебиуса — как бы далеко ни уходил, возвращаешься в отправную точку. Каменный дом с потемневшей от времени деревянной верандой, большой яблоневый сад, обязательное тутовое дерево во дворе — в июне Амирам будет стряхивать спелые, сладкие плоды, легонько колотя дубинкой по веткам. А домашние будут ловить в большой тент стремительно темнеющие от медового сока ягоды.

Тент отзывается дробным стуком на звездопад плодов — пх-пх, пх-пх. Если спрятаться под ним, то кажется, что идет самый настоящий град. Маленький Степан подставляет спину падающим ягодам, ойкает. Выползает счастливый, щербетно-липучий, перемазанный с ног до головы тутовым соком.

Свежую ягоду пустят на варенье и сироп, а из перебродившей сделают самогон — тяжеленный,

неподъемный. Выпил — и слава богу, что выжил. В Берде пьют такое, какое приезжим не переварить. Воистину, что нашему человеку хорошо, то остальным — смерть. На том и держимся.

С громким стуком захлопывается дверь мастерской — Степан ушел принимать очередной заказ. Я стою, ошеломленная, посреди Москвы. В воздухе кружит мартовский снег. Если поймать его на кончик языка, он отдает горным родником. И совсем немного — подснежниками.

АПРЕЛЬ

— Молодежь теперь умная, слова ей поперек не скажешь!

Старенькая Ясаман стряхивает с фартука невидимые крошки, одергивает рукав темного платья. Затягивает тяжелым узлом на затылке косынку, концы перекидывает на грудь. Садится на край скрипучей тахты, складывает руки на коленях, скорбно качает головой.

— Я Мишику так и сказала — раз хочешь, женись. Я же не могу ему запретить. А она мало того что не армянка, так еще в городе родилась, наших порядков не знает, приготовить-подать не умеет. Стирку развесила шиворот-навыворот — пришлось

бегом перевешивать, чтобы перед соседями не позориться.

Ясаман тяжело поднимается, достает из ящичка комода мятый бумажный кулек, отсыпает несколько крупинок ладана в специальную чашу, чиркает спичкой. Комнату затягивает сладковатым дымом церковной смолы.

— Крестится по-другому. Мы же слева направо крестимся, от сердца. А они — справа налево. К сердцу. Ладно, пусть крестится, как привыкла. Но юбку-то можно человеческую надеть? Юбка такой длины, что когда нагибается — глаза отводишь, чтобы не увидеть, какого цвета на ней трусы. У нее что, придатки в подмышках находятся? Простудить не боится?

Просыпаются настенные часы. Ясаман умолкает, переживает их старческое дребезжание. Часы, надрывно кашляя, пробивают семь. Затихают.

— С утра поднимается — и давай по деревне бегать, апрельскую слякоть развозить. Говорит — это кросс. Ай балам, какой кросс, коровы перестали от такого кросса доиться. Бегаёт, грудями трясёт. Груди у нее такие — дай бог каждому. Сама худая, как щепка, а груди четвертого размера. Даже коровы переживают.

Ясаман жуёт губами, вздыхает.

— А главное — ни грамма уважения. Я, например, ее маму называю на «вы». Говорю — здравствуйте вам, Татиана Валдиславовна, как *ваши* дела, Татиана Валдиславовна, как *здаров*, Татиана Валдиславовна. А моя невестка меня никак не называет. Или же по имени называет. Я хочу стол накрыть — она мне говорит «Ясаман» и начинает накрывать стол. Я хочу полы помыть, она мне говорит — «Ясаман», забирает швабру и сама моет пол. Ни разу не скажет — мама-джан. Или хотя бы Ясаман Петросовна. Ясаман да Ясаман!

Пришлось пустить в дело все запасы красноречия, чтобы убедить, что невестка говорит не «Ясаман», а «я сама».

МАЙ

У меня есть заветная мечта — увидеть себя маленькой.

Например, пятилетней. Щекастой, карапузой, с выгоревшими на майском солнце волосами цвета соломы. В смешных сандаликах на босу ногу. Я любила разговаривать с гусеницами. Задавала им вопросы и терпеливо ждала ответов. Гусеницы сворачивались калачиком или уползали прочь. Молчали.

У нас была собака — маленькая, мохнатая, вреднючая, настоящая жучка. Звали ее Белкой. Этакий

ртутный шарик — целый день носилась по двору, бесконечно выясняла отношения со своей тенью — старалась ее перескакать. В саду нани Тамар росли большие подсолнухи. Нани Тамар обвязывала их газетой, чтобы вездесущие воробьи не выклевали семечки. Но воробьи так просто не сдавались, они обрывали по краю бумагу и воровали семечки. Белка была заслуженным пугалом сада нани Тамар — строго инспектировала каждый подсолнух и, если засекала в пределах видимости хоть один вражеский чик-чирик, тут же летела, развеваясь кудряшками, к непрошеному гостю. Густо облаивала его до седьмого колена. Спасала урожай.

Обожала топинамбур. В сезон топинамбура превращалась в крота — шуровала по кустам, выкапывала сочные клубни и моментально съедала, чавкая и закатывая глаза. За кусочек чурчхелы готова была душу продать.

Однажды к нам в гости заглянул дядя Жора. В тот день он был особенно неотразим — большие бакенбарды, облегающая сорочка с сокрушительным взмахом ворота, брюки-клеш. Штанины при ходьбе развивали такую мощную амплитуду, что периодически, цепляясь друг за друга, обматывались вокруг ног плотным коконом. Белка эти брюки сразу невзлюбила, видимо, приняла их беспардонное трепыхание на свой счет. Сидела, нахохлившись, за